

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ТРИБУНА

Е.М. Примаков

В ЧЕМ ПОСТУЛАТЫ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА НЕ ВЫДЕРЖАЛИ СТОЛКНОВЕНИЯ С РЕАЛЬНОСТЬЮ, С ЖИЗНЬЮ? (лекция, прочитанная 27 апреля 2011 г. на факультете политологии МГУ)

В ходе выступления анализировалась история развития марксистских и ленинских идей, оценивались причины, по которым постулаты марксизма-ленинизма не выдержали столкновения с политической практикой.

Ключевые слова: марксизм-ленинизм, капитализм, революционное движение, рыночная экономика.

27 апреля на факультете политологии МГУ выступил с лекцией видный политический и государственный деятель России, академик, член Президиума РАН, почетный профессор МГУ Е.М. Примаков. Евгений Максимович не первый раз посещает факультет политологии МГУ, его выступления вызывают огромный интерес у студентов, аспирантов, преподавателей и сотрудников факультета, поэтому неудивительно, что поточная аудитория была заполнена задолго до начала встречи.

Высокого гостя слушателям представил ректор Московского университета академик В.А. Садовничий. Перед началом лекции Е.М. Примаков сказал, что считает правильным и своевременным создание в структуре Московского университета факультета политологии, который должен быть во главе политологического образования России.

Ниже приводится стенограмма лекции:

1. Мое выступление посвящено теме “В чем постулаты марксизма-ленинизма не выдержали столкновения с реальностью, с жизнью”. Это отнюдь не означает отказа от марксистской науки. Она серьезно повлияла на развитие человечества. Марксистской науке принадлежит огромная заслуга в экономическом объяснении основных явлений и процессов общественной жизни, исторической динамики. Под непосредственным влиянием марксизма возникло организованное рабочее движение. В свою очередь воздействие массового революционного движения стало одним из факторов, обусловивших эволюцию капитализма. Но все это не означает, что следует относиться к марксизму как к религии.

2. В период до XX съезда КПСС марксизм-ленинизм считался единственной научной теорией общественного развития. Постулаты этой

теории объявлялись незыблемыми на все времена. В сталинский период наши общественные науки исходили из того, что все происходящее в стране отвечает духу и букве марксизма-ленинизма.

3. После XX съезда КПСС и особенно в годы горбачевской перестройки у нас в стране (я хочу подчеркнуть, что ограничивалось в данном случае рассмотрением критических замечаний не за рубежом, а только у нас) зазвучала критика не в адрес марксистско-ленинской теории, ее объектом стало применение этой теории в СССР. Причем, такая критика, по сути, ограничивалась тем, что Сталин отступил от ленинского понимания марксизма. Приведу два примера. Первый — справедливое обвинение в том, что в теории и практике социалистического строительства и во внешней политике СССР приоритет был полностью отдан классовым интересам при игнорировании общечеловеческих интересов. Для доказательства того, что это противоречило ленинскому наследию, цитировали раннего Ленина, который писал: “Такое указание необходимо и в теоретическом отношении, ибо с точки зрения основных идей марксизма интересы общественного развития выше интересов пролетариата...” [Ленин, т. 4, с. 220].

Второй пример: мне представляется справедливой критика в адрес Сталина за то, что он через 2 года после смерти Ленина практически закончил с новой экономической политикой, с НЭПом. Остановлюсь на этом подробнее, так как в данном случае считаю, что действительно проявился отход от ленинского курса. Весной 1921 г. был провозглашен переход к НЭПу: хочу подчеркнуть, что Ленин характеризовал такой переход как реформистский этап развития. “По сравнению с прежним, революционным, — писал Ленин, — это подход реформистский (революция есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывает его осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше)” [там же, т. 44, с. 222]. По словам Ленина, переход к реформистскому этапу вводился “надолго и всерьез”. Под этим понималось — нужно это обязательно отметить — соединение с социализмом рыночной экономики. Очевидно, такой переход не был конъюнктурной мерой, а намечал стратегический путь социального обновления общества в России.

К сожалению, тяжелая болезнь Ленина и его кончина в 1924 г. не позволяют полностью, с высокой степенью достоверности, проследить эволюцию его взглядов — от безоговорочного признания насильственных функций диктатуры пролетариата в виде единственно возможной власти в России после Октябрьской революции (“...научное понятие диктатуры означает не что, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть” [там же, т. 12, с. 320] до вывода о том, что “на место этого (революционного, по определению Ленина. — *Е.П.*) подхода, плана, метода, системы действий ставим <...>

совершенно иной, типа реформистского: не ломать старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма...”. Ленин призывал к оживлению всего этого, подвергая лишь в меру их оживления государственному регулированию [там же, т. 44, с. 222]. Такая эволюция взглядов не свидетельствует об отказе Ленина от диктатуры пролетариата — этого не было. Но, по сути, провозглашалось притупление, ослабление насильственной функции власти, сосуществование социализма с капитализмом в России.

Конечно, Ленин был практиком-революционером. И он остро почувствовал, что политика продразверстки круто разворачивала крестьянство против Октябрьской революции. Кронштадтский мятеж, серия крестьянских восстаний свидетельствовали об этом. Он не мог также не видеть, что надежды на быструю революцию в европейских странах оказались иллюзией — в результате Россия оставалась в плотном капиталистическом окружении.

Однако сдвиг в сторону реформы, как представляется, не ограничивался сиюминутной потребностью. Он не мог не иметь теоретического значения, упор на которое делал один из руководящих деятелей партии большевиков — Бухарин. Преодолев свои леваческие взгляды времен военного коммунизма, он стал после смерти Ленина активным защитником НЭПа. Бухарин категорически возражал против утверждений о кратковременности НЭПа. Он писал, что страна будет “многие десятки лет медленно вращаться в социализм” [Правда, 1923]. Более того, Бухарин считал, что отход от НЭПа не будет способствовать укреплению союза пролетариата с крестьянством, что он чреват опасностью гиперцентрализации управления экономикой в СССР и превращением значительного слоя администраторов в новый класс эксплуататоров “без частной собственности”.

Сталин смотрел на НЭП абсолютно с других позиций. Не критикуя публично Новую экономическую политику, он сводил ее значение к тому, чтобы в ходе соревнования “укрепить позиции социализма, *добиться ликвидации капиталистических элементов*” [Сталин, 1951, с. 15–16].

Эти слова были произнесены в Докладе о новой Конституции в 1936 г., т.е. уже тогда, когда произошел отказ от возможности оживить экономику страны, используя рыночные отношения. 15 марта 1938 г. Н.И. Бухарин был расстрелян.

4. Однако критическое отношение к марксистско-ленинской теории не могло и не может ограничиваться лишь констатацией пагубности совершенных от нее отходов. Следует, очевидно, сказать и о том, что ряд постулатов марксизма-ленинизма не выдержали столкновения с жизнью. Одна из главных проблем — вывод этой теории о неизбежности всемирной революции.

Основоположники марксизма, как известно, выводили такую неизбежность из утверждения об абсолютном обнищании рабочего клас-